

Валентина Узунова

«Нравственная реальность» Н.М. Гиренко

В названии своих заметок я использовала понятие М.М. Бахтина «нравственная реальность», которое стало оформляться в невелиско-витебский период (1918–1923) творчества философа. Это не случайно. Я буду вспоминать о периоде жизни Николая Михайловича Гиренко, который тоже связан с городом Невелем и Бахтинскими чтениями. Не только об этом, конечно, но о Невеле — с большим чувством, об этом городе остались светлые воспоминания.

Сложилось так, что как члены Группы по правам национальных меньшинств Союза ученых Санкт-Петербурга Николай Михайлович Гиренко и я несколько лет подряд выезжали в город Невель по программе «Климат доверия»: это были встречи-дискуссии по проблемам межнациональных отношений, организаторами которых с 1998 г. являлись Центр правовой помощи им. Гарольда и Сельмы Лайт (Санкт-Петербург), Союз ученых, Открытое правозащитное общество «Гражданский контроль». На несколько дней раньше нашего приезда в город на базе Музея истории Невеля (основателем и бессменным директором которого была и остается Л.М. Максимовская) проходили Бахтинские чтения (в 2010 г. — уже в 16-й раз) и музыкальный фестиваль имени великой пианистки М.В. Юдиной

Валентина Георгиевна Узунова

Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург,
ymnesterov@gmail.com

[Невельский сборник 1995–2010]. Однажды (кажется в 2000 г.) мы специально заехали в Невель пораньше, чтобы оказаться на чтениях и концертах. Потом уже поступали так каждое лето. Планировали поехать и в первых числах июля 2004-го...

Невельские впечатления оказались для нас очень значительными. Николай Михайлович говорил, что он даже изменил круг своего профессионального чтения в некотором новом для себя направлении. Это произошло не только с ним, все мы стали задавать себе новые вопросы, хотя и прежде неразрешенных проблем хватало. Начало этому положила наша первая научно-практическая конференция «Вопросы теории и практики межнациональных отношений в условиях перестройки», проведенная в Ленинграде в 1988 г. [Обновление 1989]: по ее итогам стало очевидным, что никто из нашего гуманитарного сообщества не готов размышлять на должном научном уровне о современном положении дел в области межнациональных отношений. В тот период времени мы готовы были учиться, понимать свое трудное время и надеялись помочь своей стране.

В 1990 г. мы узнали об убийстве православного священника, богослова и историка А.В. Меня (это известие в МАЭ РАН принес Е.Л. Мороз, который позже стал постоянным автором журнала «Барьер»). За год до этого трагического события Н.М. Гиренко принимал участие в теоретической конференции «Религия и атеизм в истории культуры» [Гиренко 1989]. Не стану утверждать, что в то время мы были глубоко погружены в проблемы светского религиоведения и теологии: запас наших знаний ненамного превышал объем программы университетского образования: Н. Бердяев, А. Бобринский, В. Вальтер, В. Виноградов, А. Гарнак, Г.Ф. Гегель, Ш. Матьюс, Б.М. Мелиоранский, Д.С. Мережковский, Н.М. Никольский, А. Ранович, Э. Ренан, Ф. Рыдомельский, Вл. Соловьев, Л.Н. Толстой, Г.П. Федотов, З. Штейнер, Д.Ф. Штраус и некоторые другие авторы, работы которых мы отбирали в академической библиотеке. У меня частично сохранился список этих авторов, потому что уже тогда мы предполагали, что понадобится создание некоего «банка экспертных данных», куда мы должны будем заносить не только исковые и судебные сведения, но и наработанные алгоритмы решения постоянно возникающих экспертных задач. А.В. Меня как автора истории религии мы еще не знали.

С начала 1990-х гг. в обществе осознавалась потребность открывать воскресные школы и издавать для них учебную литературу. Нас волновал актуальный и до сих пор вопрос — как именно, кем и где будет преподаваться история религии

(и в частности исторические пути христианства). Мы исходили из необходимости широкого религиозоведческого просвещения, и протоиерей Александр Мень, известный по публичным выступлениям, воспринимался нами как блистательный просветитель, который мог бы возглавить это направление. С фактом его страшной гибели как будто гасла надежда на возможность сглаживания противоречий между светской наукой и теологическими исследованиями. Важнейшая характеристика школы Меня — обращение к социальной проблематике с внетеологических позиций — на сегодняшний день поддерживается только деятельностью общественной организации «Фонд имени Александра Меня» в Москве. А всех нас вынуждают считаться с политизированным противостоянием сциентизма и антиклерикализма, с одной стороны, и клерикализма, а также теологического решения религиозоведческой проблематики — с другой. Не стану утверждать, что мы «все вдруг» увлеклись в тот период религиозоведением. Скорее, нами овладела обостренная настороженность, спровоцированная нашествием варваров в поле научного знания. Становилось очевидным, что в скором времени возникнут какие-то процессы в обществе, связанные с проявлением агрессивного православного фундаментализма. Поэтому нас стала волновать проблема собственной компетентности, и мы начали готовить себя к обоснованным экспертным суждениям по этим сложным вопросам, которые то ли вынырнули из глубин запретного, то ли упали сверху в приказном порядке. Об этом много рассуждали в обществе.

Однако еще до того как православные фундаменталисты обнаружили свою силу в обществе, нашей группе пришлось обратиться за консультацией к О.В. Творогову в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН по поводу массивного выброса в публичное пространство ссылок на «Велесову книгу», анализом которой он занимался с 1984 г. (сборник статей «Что думают ученые о "Велесовой книге"» вышел только в 2004 г. [Что думают ученые 2004], хотя первая публикация Л.П. Жуковской на эту тему датируется 1960 г. [Жуковская 1960]). В исследовательское научное пространство входила тема «неоязычество и национализм», которая позже была удачно разработана нашими московскими коллегами из Института этнологии и антропологии РАН в серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» [Шнирельман 1998]. Если «Протоколы сионских мудрецов» [Бурцев 1938] нам были известны как пример литературно-полицейской провокации, то с самостоятельными изысканиями в неоязыческом духе мы столкнулись тогда впервые [Ведомысл 1993].

Почти с самого начала нашей экспертной деятельности нам не раз приходило на ум соображение о подверженности политиков

мании преследования [Мороз 1992]. Это тем более забавно, что книгу Дэниэла Пайпса, которая имеет в русском варианте названия подзаголовки «мания преследования в умах политиков» и сопровождается впечатляющим научным аппаратом, мы еще не знали [Пайпс 2008]. Однако стандартный набор сюжетов «полицейской теории истории» с отведенной в ней ролью масонам и евреям был нам уже хорошо известен — настолько хорошо, что пришлось отнестись к этой теме очень ответственно [Мороз 2001]. Я не очень преувеличу, если скажу, что большее потрясение произвело только впервые нами публично озвученное словосочетание «русский фашизм» [Национальная правая 1992].

20 ноября 1998 г. была убита тремя выстрелами (в грудь, в голову и в затылок) Галина Васильевна Старовойтова, бывшая аспирантка и научный сотрудник нашего института, наш общий друг. Мы с ней еще успели обсудить свою первую публикацию в открытой печати по судебному делу газеты «Народное дело» [Узунова, Гиренко, Выдрин 1993]. Эта публикация состоялась по итогам интереснейшей международной конференции по проблемам ответственности за посягательство на национальное равноправие и разжигание межнациональной розни, организованной Российским комитетом адвокатов в защиту прав человека под председательством Ю.М. Шмидта [Проблема ответственности 1993]. Галина Васильевна поддерживала линию профилактики межнациональных конфликтов с помощью мер уголовного принуждения. Мы уже понимали, что в новой общественной ситуации от научного сообщества ждут предложений по совершенствованию законодательства в области ответственности за разжигание национальной и расовой вражды и розни. Этой же позиции придерживался член-корреспондент АН СССР Кирилл Васильевич Чистов. В тот период времени нас очень смущало различие в языках описания и анализа ситуаций между нами, специалистами-гуманитариями, и юристами, продиктованное разной профессиональной выучкой. Г.В. Старовойтова категорически отрицала собственно возможность того, что она называла «академическим чванством», и, кажется, полагала, что мы обязаны находить способы внушать свое экспертное мнение правоохранителям. Галина уже была активно действующим политиком, в то время как мы еще боялись допустить публицистику в «высокие сферы» науки. Писатель Нина Катерли в те годы писала: «Попустительство — всегда подстрекательство» [Катерли 1993: 22]. Не боялась и наша коллега Наталья Васильевна Юхнева, выступившая с докладом об усилении агрессивного-шовинистических и антисемитских настроений в современном российском обществе еще в 1988 г. на академических чтениях «Этнография Петербурга-

Ленинграда» [Юхнева 1988]. Недоумевал по поводу наших сомнений и К.В. Чистов, который сам неоднократно участвовал в написании текстов экспертных заключений и проверял нашу научную состоятельность в оценке сложных вопросов современности (к сожалению, тексты того времени оформлялись как докладные записки для служебного пользования, и нет возможности дать ссылку на них). Не могу пожаловаться на непонимание со стороны коллег, но нужно помнить, что это был период, когда мы «входили в плотные слои атмосферы»: наука, представленная в докладах на научных конференциях, оценивается профессионалами, а наука, которая предъявляет себя в судах, обязана быть транспонирована на уровень восприятия и понимания публики [Узунова 2004]. Первым из нас с этим столкнулся Николай Михайлович Гиренко, и никому из научных экспертов в судах не удалось с ним сравняться в умении разъяснять преимущества научного понимания современных социальных проблем.

К началу 1990-х гг. уже были позади наши собственные теоретические «штудии» по проблемам национализма, подчиненные задаче разведения исторически сложившихся форм употребления этого понятия. Н.М. Гиренко был лично знаком с Эрнстом Геллнером и переписывался с ним по поводу выхода в переводе на русский язык его книг [Геллнер 1991; Геллнер 1992]. Из командировки в Хельсинки мы привезли книгу Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества. Размышления о происхождении и распространении национализма», позже переведенную на русский [Андерсон 2001]. Почти одновременно прочли Эрика Хобсбаума [Hobsbaum 1990], заинтересовались социально-антропологической концепцией Энтони Смита [Смит 1999]. Сам Николай Михайлович с пристрастием откликался на появление новых ракурсов в изучении национализма и новых взглядов на это понятие, не обусловленных контекстом европейского знания. Позже, в 2001 г., с некоторыми авторами современных теорий постколониализма он познакомился на конференции в Дурбане, где была принята Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Декларация 2001].

Все те годы Николай Михайлович Гиренко — председатель нашего небольшого научного экспертного сообщества при Союзе ученых, вошедшего с 1991 г. в международную сеть аналогичных групп (Minority Right Group), — настаивал, чтобы мы искали и находили строго научные основания противодействия национальной, расовой, религиозной вражде и розни.

После Бахтинских чтений в Невеле на рабочий стол Н.М. Гиренко легли книги иного плана. Не говоря собственно

о «Невельских сборниках» [1995–2010], в которых регулярно публиковались новые исследования по так называемому невельскому философскому кружку, его заинтересовали работы М.М. Бахтина и его исследователей, а также М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Г.-Г. Гадамера, Г. Риккерта и М. Шелера, Н.А. Бердяева и Г.Г. Шпета. Собственно углубление в теорию вопроса не противоречило нашей академической школе, и поиск новых концептуальных решений или движение в сторону заинтересованного сближения со смежными гуманитарными дисциплинами являлись делом вполне привычным. Наши теоретические искания (чтобы не сказать метания) кажутся мне интересными с точки зрения определения того воздействия, которое оказывалось для нас наиболее сильным.

Один конкретный пример. В процессе подготовки к Ленинградской конференции по правам меньшинств в июне 1991 г. [Ленинградская конференция 1991] мы, будучи ее организаторами и организаторами, не сумели дать удовлетворительного определения собственно понятию «национальные меньшинства», хотя предварительно намечали это сделать, планируя содержательную часть резолюции конференции.

Само по себе понятие «меньшинства» (численного меньшинства, как строго замечал Президент СССР М.С. Горбачев) несет в себе утверждение, что определенные общественные проблемы рассматриваются в категориях разделения общества на группы и асимметричных отношений между этими группами. Как группы обычно определяются «коренные народы», сохраняющие полностью или частично «традиционный» образ жизни, но оказавшиеся в меньшинстве в силу процессов колонизации. Такая концепция по сути описывает разновидность меньшинств, но надо заметить, что по идеологическим соображениям «коренные народы» отделяются от «меньшинств» в официальной риторике и академической литературе. Исторически идея защиты меньшинств возникла как реакция на национальное государство. Национализм «большинства» стремится навязать населению определенный языковой и культурный эталон и добиться доминирующего положения в обществе тех, кто соответствует этому стандарту. Поэтому защита «меньшинств» включает в себя два основных компонента: с одной стороны, обеспечение равных прав тех, кто не относится к «основной нации», а с другой — противодействие их принудительной ассимиляции. Соседство этих двух компонентов создает неразрешимые проблемы, поскольку очень часто между ними при обсуждении темы «меньшинств» вольно или невольно риторически выстраивается причинно-следственная связь, и не складывается «баланс», к которому призывают чиновники местных администраций.

Нас просветили лекции Д.И. Раскина, который вместе со своей коллегой О.Н. Ансберг специально подготовил ряд сообщений по истории национального вопроса в России. Мы узнали, что по законам Российской империи население страны делилось на природных подданных и инородцев, что было установлено восемь разрядов инородцев, что восточные инородцы состояли из оседлых, кочевых и бродячих... В моих конспектах эти сведения сопровождаются ссылками на Н.М. Коркунова, Г.Ф. Шершеневича, К.П. Победоносцева, С.Ю. Витте, А.Ф. Кони, П.А. Столыпина. Однако «Русское государственное право», «Учебник русского гражданского права» и конкретные высказывания отдельных авторитетных и в наше время лиц заставляли только сожалеть о том, что мы не обращаемся к этой информации в ситуациях судов, когда на скамье подсудимых оказываются скинхеды. О последних теперь уже написано достаточно книг, и в некоторых они представлены как группы «подлинно человеческих героев, которыми движут страсть, благородство и культура, которой они преданы» [Кинг 2010].

Другой пример я беру из опыта международных конференций. Обсуждался вопрос о неонацизме в разных странах [Богословие после Освенцима и ГУЛАГа 1997], и, естественно, заговорили о точности определений понятий «фашизм», «неофашизм», «тоталитаризм». Разгорелся яростный спор. Некоторое примирение внесли делегаты от Болгарской академии наук, по опыту которых не стоило преодолевать различия, связанные с исторической и академической спецификой прочтения этих понятий. Коллеги считали, что достаточно «накрыть» множественность определений единым обобщением «тоталитаризм» и произнести вслух, что все мы понимаем, о чем идет речь. Таким образом, они утверждали, что, с одной стороны, не пройдена еще достаточная временная дистанция для хладнокровного достижения «теоретического абсолюта», с другой стороны, призывали не отказываться от ценности интуитивного владения феноменом.

Привожу третий пример из круга проблем, аналитических переживаний и практической реальности того периода. Речь пойдет о парадоксальной ситуации, когда гражданское общество попирает права человека, чтобы поддержать права культуры. Обсуждение понятий гражданского общества (демократии, равенства, плюрализма и др.) в контексте анализа современного полиэтничного общества всегда прокладывает до некоторой степени извилистый маршрут. Прямой вопрос: каким образом права человека в гражданском обществе связаны с этнической культурой? — не получает прямого ответа. Кирилл Васильевич Чистов на наших семинарах в МАЭ РАН приводил

множество примеров из своей практики, когда только обсуждение проектов введения особого правового статуса населения на разных территориях бывшего СССР ставило неразрешимые проблемы для «нормативного» понимания гражданского общества.

Эти семинары в МАЭ РАН возникли почти случайно. В начале перестройки в Институт антропологии и этнографии друг за другом потянулись инициаторы создания новых национально-культурных объединений и лидеры уже существовавших и вышедших из подполья общин. Обсуждали проекты их уставов, перспективы развития, цели легализации и задачи по вечерам за круглым столом в кабинете, в котором работал Н.М. Гиренко, и под его председательством. «Культурные притязания» на особое отношение со стороны гражданского закона витало в воздухе тех дней. Апелляция «отказников» к своей этнокультурной принадлежности как аргумент защиты своего права на постоянное место жительства в любой стране мира тогда еще удивляла. Но не потому, что человек хочет переехать из одной страны в другую без всяких препятствий, а своей интимной составляющей в мотивации этого желания, которая выглядела надуманной, не вполне искренней. Тот факт, что гражданское общество исповедует принцип плюрализма мнений, суждений, образа жизни и стоит на защите аутентичного самовыражения человека в любой форме, был нами прочувствован на первых порах в малом масштабе.

Этот опыт общения с национально-культурными объединениями поддерживал наши соображения, что в контексте полиэтничной среды гражданское общество прямо пропорционально зависит от культурного разнообразия, которое должно активно поддерживаться. Человек должен иметь право быть человеком партикулярной культурной традиции. При этом возникают и права человека партикулярной культурной традиции, т.е. какие-то особые, отличительные права, защищающие его культурную уникальность. Постепенно стали прорисовываться еще плохо вербализированные права культур как значительный ресурс их носителей, который при необходимости может быть использован. Однако настойчивые апелляции к нормам традиции как к действующим в современности документам внушали опасение, что идиллия тандема национальных культур и гражданского общества не сложится. На наших глазах «поэтика» культуры приводила в политике к жонглированию гражданскими правами и правами носителей отдельных культурных традиций. Права культуры на человека как «своего» ограничивают его свободу выбора, ограничивают его права как гражданина. Очень скоро мы столкнулись с этими

проблемами, когда они стали разворачиваться в пространстве социальных конфликтов, а это был уже не кабинетный масштаб.

С самых первых наших комиссионных экспертиз по официальным запросам правоохранительных органов в их состав включался специалист-филолог. Необходимость комплексного подхода была не просто очевидной, но подтверждала нашу добросовестность как исследователей, учитывающих и исторический, и филологический, и социально-психологический, и социологический аспекты каждой проблемы. Именно поэтому Н.М. Гиренко предложил вначале условное, а затем утвердившееся определение научной экспертизы как «социогуманитарной». Но в какой-то период времени (я не могу указать точно, т.к. не ставила своей задачей отследить этот момент) из Москвы стали звучать утверждения, что существует новое направление в прикладной лингвистике, в котором разрабатываются методы, позволяющие анализировать содержание текста, определять, что говорится и что подразумевается его автором. Некоторые лингвисты уже переходили работать на коммерческой основе в созданные экспертные учреждения. Теперь вышло даже учебное пособие «Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика» [Баранов 2007]. Однако гораздо более интересным для наших общих целей научной экспертизы мне представляется книга, выпущенная Институтом психологии РАН «Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса» [Слово в действии 2000]. Важность этой публикации для экспертов чрезвычайно, так как в ней приведены конкретные результаты исследования речи, согласно которым одной из основополагающих сторон анализа является интенциональная направленность субъекта, направленность сознания говорящего в момент речи. Разработан специальный метод интент-анализа, который позволяет реконструировать интенции говорящего по его речи. Но любой анализ конфликтного политического дискурса не может быть ни своевременным, ни долговременным: коль скоро он политический, то, следовательно, ситуативный.

«Революция сверху», которую переживало все наше общество (теперь почему-то стало принятым говорить «в лихие 90-е»), задавала всем гуманитариям один и тот же вопрос о возможности понимания событий современности в контексте социально-исторического опыта. Если Г.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, Г. Риккерт считали, что «конец веры идеализма» или «крах культурного сознания либерального века» наступил в Германии после 1918 г., то у нас в России о либерализме толковали на площадях в период перестройки. И каждый профессионал не мог не задумываться о том, на что готовы пойти люди

в этой стране ради социальной справедливости и «светлого настоящего» (помня, что в свое время ради «светлого будущего» произошел погром русской культуры и русской мысли). Однако и прошлые, и нынешние свидетели революций в России не только были очевидцами некоего «праздника возрождения», но и знали, что за ним неизбежно должна наступить «реальность поступков» [Бахтин 2002: 22]. Предстояло ли нам самим участвовать в продуктивном преобразовании общества и избавлении его от исторических предрассудков и ограниченной советской идеологической системы, включая такие базовые понятия, как культура, личность, творчество, авторство, свобода?

Гуманитариев интересовала духовно-идеологическая ситуация нашего времени в целом и профессиональный вопрос: как возможно ее исследование, не удаленное от актуальных событий по времени? В очередной раз сама жизнь проблематизировала тему социальной природы высказывания и ставила вопрос о его продуктивной и контрпродуктивной роли в осмыслении и продвижении ситуации. Порыв «свободного русского мыслительства», ухидившего от всякого контекста и всякого историзма, породил острое напряжение между «научностью» и «духовностью», которое мы почувствовали сразу после убийства А. Меня. Наш собственный «прозаический уклон» в мышлении и в языке склонял нас к размышлению о понятиях «поступок» и «ответственность», которые когда-то уже звучали и в «отказе от теоретизмов» (по Бахтину в 1921 г.), и в «герменевтике фактичности» (по М. Хайдеггеру в 1923 г.). Этот философский запрет мыслить так, как будто наше мышление не мотивировано и определено, т.е. не задано конкретной историчностью («нравственно фактической действительностью»), манил обещанием возможности постановки диагноза и анализа прозаической основы конкретного времени — нравственной реальности нашей современности. Но после Сумгаита, Карабаха, Литвы, Чечни, Москвы словосочетание «нравственная реальность» не складывалось, а говорить о своем времени как о безнравственной реальности означает определить собственное место здесь и сейчас. На каком языке говорить о «Я», когда никому не интересно о нем слушать? Монолог не допускает освобождения от привычных фактов идеализации книги и литературности, связанных с представлениями о просветительстве, об авторе и авторитетах, о «Я» как демиургоподобном, абсолютном творческом субъекте. Однако жизненно важно, чтобы обращение к «голой действительности» было не чисто отрицательным, а продуктивным, открывало бы такие горизонты реальности, которые прежде вообще не замечались или игнорировались.

Реальные поступки и реальная ответственность, казалось, порождали диалог, открывали «Другого». Н.М. Гиренко (через М.М. Бахтина) усилил и развивал собственное представление о катастрофе того пути гуманитарного познания человека в отечественной мысли, которое допускает существование Я без существования Другого. На поверхность социального пробируются латентные предположения о темной природе человека — и себя, и любого другого. Этот «человек темной природы» произволен, не предсказуем, а потому подлежит репрессивному контролю, должен быть лишен возможности действовать по собственной инициативе во имя достижения собственных целей. Мизантропическое отношение к человеку создает условия для восприятия репрессивной роли государства как правильной, необходимой. И правовые установления принимаются как надзор со стороны государства, без которого сам по себе человек не обладает должными качествами и способностями, стимулирующими его согласовывать свои действия с желаниями и целями других людей. Это отсутствие Другого и Других в русской духовно-идеологической культуре вполне обнажилось и выявилось уже сейчас, в наше время, в котором мы остались без Н.М. Гиренко.

Социология давала ответы разной степени сложности на подобные вопросы. Но, пожалуй, только один раз научный ответ был абсолютно сокрушительным по своему социальному воздействию. Исследование под руководством Т. Адорно «Авторитарная личность» произвело эффект разорвавшейся бомбы еще в 1946 г. Научному сообществу и широкой публике были предъявлены убедительные конкретные социологические замеры зашкаливающей степени «фашизоидности» каждой отдельной домохозяйки и всех ее домочадцев. И страна победителей Америка, и страна побежденных Германия одинаково содрогнулись от этого утверждения ученых. Фашизм — это не дуче Бенито Муссолини и фюрер Адольф Гитлер, фашизм — это не «Национальная фашистская партия» в Италии и не НСДАП в Германии. Любое общество всегда несло в себе потенциал к ненависти и уничтожению других людей. Это не явилось открытием двух мировых войн XX в. Но присутствие в каждом человеке способности ненавидеть себе подобных и чуть-чуть отличных, не любить даже собственных детей, не говоря уже просто о соседях, готовность глумиться над слабыми, моментальная готовность к озверению получили аналитическое объяснение. Прямая теорема: какова власть — таковы и подвластные. Обратная теорема: каковы подвластные — такова и власть. НСДАП штамповала «маленьких фюреров» по всей Германии, а Иосиф Сталин не был бы признан в роли отца, если бы его дети ему не предшествовали. С точки зрения

великой традиции философствования вывод довольно тривиальный. Но с точки зрения работавших в послевоенные годы социологов ситуация требовала неотложных мер воздействия на общество. Незамедлительной реакции ждали от научного сообщества и в России в 1990-е гг.

Философия немедленно обнародовала свои недоработки в области познания человека. Психологи обрушились на социологов, которые посмели пересечь границы своей профессиональной области в попытках описать личность, вместо того чтобы описывать власть. Сама власть кинулась на передовую линию наступления науки, так как никогда не имела ни малейшего желания допускать ученых к исследованию себя как социального феномена. В научный скандал включились журналисты. СМИ обнаружили, что искалеченные войной тела и души еще сохраняют не только желания и соображение, но и главное — волю. Уже от имени «молчаливого большинства» журналисты стали задавать нешуточные вопросы и науке, и власти. Наступил кульминационный момент — встряхнулись лингвисты. Они взяли на себя роль арбитров в столкновении речи обыденной и речи, которой владеет только власть. Их инициативу перехватили социальные психологи, во всеуслышание заявив, что человек только потому и отзывается на призывы и приказы, что сам их отдает попеременно то домочадцам, то сослуживцам. От подобной доступности научного знания и объяснительных моделей все разом осмелели. Люди захотели иметь в своем распоряжении такую бесполезную науку. И наука поспешила вернуться к человеку. Люди захотели вступить с государством во взаимовыгодный обмен властными возможностями. И власть озаботилась своим характером, своим языком и манерами, тем самым демонстрируя восприимчивость к хорошему воспитанию.

Нам приходится сожалеть о том, что классическое «Исследование авторитарной личности» Теодора Адорно слишком долгое время было известно только в гуманитарных кругах. К более широкой публике эта книга пришла в русском переводе лишь в 2001 г. [Адорно и др. 2001] и уже не могла вызвать того необычайно активного резонанса ни в политических кругах, ни в широком общественном мнении, которое сопровождало этот первый социологический бестселлер в послевоенном мире.

Анекдот вместо заключения и выводов. Как только Украина стала «самостийной», к нам в НИИ «Музей антропологии и этнографии “Кунсткамера” им. Петра Великого» РАН из Киева приехал специалист. Представился: прежде он трудился на закрытом военном производстве, которое в результате конверсии отказалось от услуг целой армии математиков, а теперь

находился в звании консультанта правительства Украины в департаменте по делам национальностей и хотел получить подтверждение пригодности для практики разработанной им математической методики расчета чистоты славянской (более конкретно — украинской) крови. Наш и.о. директора Николай Михайлович Гиренко попросил определить состав крови Александра Сергеевича Пушкина, полагая, что изначально для всех знание ее «не абсолютной чистоты» явится наглядным доказательством эвристичности метода отделения всех «чистых» украинцев от иных — и неславян, и славян. Математик возражал, утверждая, что лучше знает генеалогическое древо Тараса Шевченко, нежели А.С. Пушкина. За недостающими сведениями специалиста из департамента по делам национальностей послали... в «Пушкинский Дом». А через какое-то время на имя Н.М. Гиренко в МАЭ РАН пришло письмо, в котором ему рекомендовали добавить к окончанию его фамилии букву «в», что «сходу помогло бы распознавать в нем отступника от интересов великого украинского народа».

Бывают времена, когда люди принимают коллективную вонь за единство духа (Фазиль Искандер).

Библиография

- Адорно Т.В., Сэнфорд Р.Н., Френкель-Брюнсвик Э., Левинсон Д.Дж.* Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. В.П. Култыгина. М.: Серебряные нити; Акад. исслед. культуры, 2001.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2007.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, 2002. Т. 1. С. 7—68.
- Богословие после Освенцима и ГУЛАГа и отношение к евреям и иудаизму в Православной Церкви большевистской России: Материалы международной научной конференции 26—29 января 1997 года. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997.
- Бурцев В.Л.* «Протоколы сионских мудрецов». Доказанный подлог (Рачковский сфабриковал «Протоколы сионских мудрецов», а Гитлер придал им мировую известность). Paris: Oreste Zeluk Editeur, 1938.
- Ведомысл.* Пепел отцов стучит в моем сердце // Русское дело. 1993. № 5. С. 3.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. 1992. № 1. С. 9—62.

- Гиренко Н.М.* К относительности иррационального в традиционном религиозном мировоззрении // Теоретическая конференция «Религия и атеизм в истории культуры»: Тез. докладов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 39–41.
- Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации: принята на Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, Дурбан, Южная Африка, 31 августа — 7 сентября 2001 года // Сайт «Организация объединенных наций» <<http://www.un.org/russian/conferen/racism/2002decl.htm>>.
- Жуковская Л.П.* Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142–144.
- Катерли Н.С.* Попустительство — всегда подстрекательство // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни: Публ. Проект. группы по правам человека / Сост. Ю.М. Шмидт. М.: НИПЦ «Мемориал», 1993. С. 22–29.
- Кинг Дж.* Скинхеды: [Роман]. М.: АСТ; Астрель, 2010.
- Ленинградская конференция по правам меньшинств (2–4 июня 1991 г., Ленинград): Доклады и сообщения (русские тексты) / Отв. ред.: Н. Юхнева, Х. Краг. Л.: Б.и., 1991.
- Мороз Е.Л.* Борцы за «Святую Русь» и защитники «Советской Родины» // Национальная правая прежде и теперь. СПб.: Б.и., 1992. Ч. 2. Вып. 1. С. 68–96.
- Мороз Е.Л.* Россия и мировая закулиса. Сочинения Игоря Фроянова // Барьер. 2001. № 1(6). С. 4–28.
- Национальная правая прежде и теперь: Ист.-социол. очерки: В 3 ч. СПб.: Б.и., 1992.
- Невельский сборник / Отв. ред. Л.М. Максимовская. СПб., 1995–2010. Вып. 1–16.
- Обновление: Межнациональные отношения и перестройка: Материалы науч.-практ. конф. Л.: Лениздат, 1989.
- Пайнс Д.* Заговор: мания преследования в умах политиков. М.: Новый хронограф, 2008.
- Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни: Публ. Проект. группы по правам человека / Сост. Ю.М. Шмидт. М.: НИПЦ «Мемориал», 1993.
- Слово в действии: Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000.
- Смит Э.* Историческая генеалогия современных наций // Нация и национализм: Пробл.-темат. сб. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 34–56.
- Узунова В.Г.* За что убивают экспертов? // Барьер. 2004. № 8. С. 7–18.
- Узунова В.Г., Гиренко Н.М., Выдрин В.Ф.* Экспертное заключение по делу газеты «Народное дело» // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни: Публ. Проект. группы по правам человека / Сост. Ю.М. Шмидт. М.: НИПЦ «Мемориал», 1993. С. 115–126.

Что думают ученые о «Велесовой книге»: Сб. статей / Сост. А. А. Алексеев. СПб.: Наука, 2004.

Шницерльман В. А. Неоязычество и национализм: Восточноевропейский ареал. М.: ИЭА РАН, 1998. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 114).

Юхлева Н. В. Актуальные вопросы межнациональных отношений (об усилении агрессивно-шовинистических и антисемитских настроений в современном русском обществе): Доклад, прочитанный 8 июля 1988 г. на чтениях «Этнография Петербурга-Ленинграда» // Радуга (Таллинн). 1988. № 11. С. 86–96.

Hobsbaum E. J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.